

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ (по материалам мезолита степной Украины)

Проблема культурно-исторической адаптации в основе своей этнографическая и на материалах археологии, как правило, рассматривается редко. Нами делается попытка проследить в общих чертах процесс культурно-исторической адаптации на основе данных комплексного изучения мезолитических памятников степного Причерноморья.

В раннем мезолите (перяславское похолодание) в этом регионе по данным палеогеографии развиваются разнотравно-злаковые степи, среди фаунистических остатков преобладают виды открытых ландшафтов. По данным палеозоологии и палеоботаники этот период связан с аридизацией климата и сменой фаунистического комплекса¹.

Параллельно с трансформацией биотопа степей существенно изменяется стиль охоты, что хорошо прослеживается по материалам мезолитических поселений. Новые промысловые животные (тарпан и тур), пришедшие на смену стадным формам (бизон, сайгак, олень), обусловили ломку традиционных форм ведения охотничьего хозяйства: коллективная охота на стадных животных уступила место индивидуальной охоте на семейных животных. Это, в свою очередь, вызвало необходимость перестройки комплекса охотничьего вооружения.

Главными чертами развития кремневой индустрии в это время становятся микролитизация и максимальная стандартизация заготовки, сведение к минимуму вторичной обработки, возможность реутилизации и взаимозамены вкладышей. Совершенствование лука и стрел шло по пути использования наконечников с пазами для вкладышей. На территории степной Украины в качестве вкладышей составных орудий труда чаще всего использовалась правильно призматическая пластина без вторичной обработки, реже гео-

метрические микролиты (трапеции, сегменты, треугольники)².

В условиях снижения плотности биомассы на единицу площади совершенствование охотничьего вооружения усиливало нарастание экологического кризиса. Археологически это проявилось в заметном уменьшении количества археологических памятников, изменении характера их распространения и структуры их комплексов. В отличие от предшествующего периода, в раннем мезолите в степной зоне выявлены археологические памятники только двух типов: 1. Кратковременные стоянки, представленные исключительно подъемным материалом; 2. Сезонные стоянки охотников и собирателей (Белолесье, Зимовники 1 (3), Рогалик 2). Кака-либо четкая традиция устройства поселений или система их взаиморасположения не прослеживается.

Жилые сооружения в степи обнаружены пока только на стоянке Белолесье в Нижнем Поднестровье. Они представляют собой небольшие (12 кв. м) легкие наземные жилища, зафиксированные в виде подокруглых скоплений инвентаря, кострищ и фауны. На стоянке Зимовники 1 (3) в Юго-Восточном Приазовье открыты остатки ветрового заслона. Очаги прослежены на двух поселениях — Белолесье и Рогалик 2³.

В раннем мезолите в степной зоне продолжается дальнейшее развитие лишь одной культурной традиции позднего палеолита — анетовской⁴. В то же время в междуречье Дуная и Днестра проникает население из Балкано-Дунайского региона (белолесская культура); в бассейне Северского Донца появляются носители северо-кавказских культурных традиций (зимовишковая культура)⁵.

С переходом к позднему мезолиту наблюдается нарастание обводненности территории степной Украины. Увлажнение и потепление климата влечет за собой переход к луговой степи со значительной ролью древесно-кустарничковой растительности по долинам рек и балок. В фаунистическом комплексе возрастает удельный вес видов полузакрытых биотопов (тур, благородный олень, кабан)⁶. В результате увеличивается плотность биомассы на единицу площади, а в связи с этим меняется система жизнеобеспечения населения.

В это время люди осваивают водоразделы и долины мелких водотоков. Количество археологических памятников возрастает, усложняется их типология. Вновь возникают круп-

ные долговременные поселения с многочисленным инвентарем, жилищами, очагами, местами обработки кремня, запасами сырья, культовыми и бытовыми объектами — базовые лагеря охотников и собирателей — Мирное в Нижнем Поднестровье, Игрень 8 в Днепровском Надпорожье и др. Вокруг памятников данного типа часто формируются так называемые «кусты», состоящие из базового поселения и нескольких мелких сезонных стоянок, составляющих в комплексе как бы отдельную экологическую нишу. В комплекс Мирного входят Борисовка, Траповка, Зализничное, Мирное 2 и 3 и другие местонахождения. К Игрени 8 тяготеют поселения на островах Сурском, Лоханском, Кизлевом, Шульговке и других. Возможно, каждая такая экологически замкнутая хозяйственно-бытовая группа соотносится с определенной формой социальной организации.

О росте оседлости населения степной зоны в позднем мезолите, о более тесной связи с данной территорией свидетельствует также и этническая карта региона. В этот период здесь развивается автохтонное население; все позднемезолитические археологические культуры имеют генетическую основу в раннем мезолите и/или позднем палеолите степной зоны. В бореале происходит интеграция днепровского, анетовского и крымского вариантов кукрека в единую культурно-историческую общность⁷.

Стабилизация хозяйственного уклада и рост оседлости населения в степной зоне, прослеженные по материалам археологических памятников, основаны на прогрессивных изменениях в орудийном производстве. Нарастание экологического кризиса в предшествующий период было связано с необходимостью создания определенного запаса пищи для обеспечения выживания в маргинальных условиях. В позднем мезолите прослеживаются зачатки domestikации животных, выразившиеся в сохранении и подкормке телят промысловых видов как резерва мясной пищи. Сопутствующие орудия труда (серпы для срезания травы) зафиксированы в материалах Мирного Г. Ф. Коробковой⁸. Постепенный переход к domestikации тура, биология и экология которого была хорошо знакома обитателям степей, стал той решающей инновацией мезолита, которая определила ход дальнейшей эволюции хозяйственного уклада и социальной структуры последующих поколений степняков.

Параллельно с этим идет поиск средств преодоления кризисного состояния в экономике в рамках присваивающе-

го хозяйства, свидетельством чего являются бедные комплексы матеральной культуры большинства стоянок, рассеянных в регионе. Соответствующим образом коррелируется вся система адаптации и ведется поиск оптимального ее варианта в конкретной природно-климатической обстановке.

Таким образом, производственная активность каждой отдельной группы населения направлена на обеспечение своего выживания, максимально используя для этого все ресурсы окружающей среды при минимальных затратах энергии. Это достигается путем создания адаптивной модели поведения, охватывающей все стороны жизни людей: материальную культуру, быт, образ жизни, хозяйство, социальную и общественную сферы, духовную культуру. Специфическое сочетание всех указанных компонентов на определенной территории и составляет способ культурно-исторической адаптации данной общности.

Археологически этот процесс фиксируется в материалах поселений, жилищ, очагов, в пище, утвари, а также в составе орудий труда. Археологический контекст позволяет реконструировать хозяйственно-культурный аспект адаптации, который во многом определяется также палеогеографическими особенностями среды обитания.

По материалам памятников степной Украины этот процесс можно представить в следующем виде.

В раннем мезолите в условиях нестабильной палеогеографической обстановки складывается особый вид культурно-хозяйственной адаптации, для которого характерны мобильность и дисперсность. Это нашло отражение в изменении социальной структуры общества, распаде крупных позднелеполитических общин, а также в усложнении этнической ситуации.

С переходом к позднему мезолиту смягчение условий окружающей среды способствовало общей стабилизации жизни. Двойственный характер поисков средств жизнеобеспечения позднемезолитического населения, в котором сочетаются элементы стабильности и кризисного состояния является катализатором прогрессивного развития культуры этого региона, проявившегося в достаточно раннем переходе к неолиту. Хозяйственно-культурная адаптация позднего мезолита способствовала стабилизации всего жизненного уклада местного населения, усложнению его социальной структуры (возникновение племенной организации), упроч-

нию связей с кормовой территорией (генетическая преемственность археологических культур), росту эффективности производства средств жизнеобеспечения.

Проблема адаптивной нагрузки этногенетического процесса требует дальнейших теоретических изысканий. В самом общем плане данный вопрос имеет два аспекта. Первый выходит за рамки собственно археологии и касается непосредственно концепции этноса и его основных признаков; второй связан с теорией археологической культуры и возможностью соотнесения с ней этнической общности.

На современном уровне развития знаний в отечественной науке выделяются два основных подхода к построению теории этноса. Большинство исследователей рассматривает этнос как социальное явление, категорию, общность, систему или организм, обладающую рядом устойчивых признаков. Среди них М. Ю. Брайчевский, В. Ф. Генинг, В. И. Козлов, Ю. В. Павленко, В. В. Пименов, И. С. Пноро, С. А. Токарев и другие⁹. В последние годы распространение получило представление об этносе как культурном единстве, одном из средств выражения и оформления локальной культуры. Среди основателей этого направления Ю. В. Бромлей, С. А. Арутюнов, А. М. Хазанов, Н. М. Гиренко¹⁰. На наш взгляд, этот подход может оказаться наиболее плодотворным в процессе интерпретации этноса каменного века.

В этой связи существенную трудность представляет выявление отдельных общепризнаваемых атрибутов этноса в археологическом материале. Часть из них (территория, общность происхождения и материальной культуры, социально-экономические связи, антропологический тип) прослеживаются достаточно четко. В археологии общности с данными устойчивыми признаками принято рассматривать как археологические культуры. Тем не менее интерпретация археологической культуры как материальных остатков жизнедеятельности конкретного этноса сегодня крайне неоднозначна.

Начиная с середины 50-х годов вопрос о соотношении археологической культуры и этноса неоднократно выносился на обсуждение среди археологов и этнографов. На современном уровне развития методологической и эмпирической базы обеих наук существует несколько подходов к решению этой проблемы. Большинство исследователей с большей или меньшей категоричностью допускает возможность соответствия археологической культуры и этноса. К их числу относятся М. И. Артамонов, М. Ю. Брайчевский, А. Я.

Брюсов, В. Ф. Геллинг, Ю. Н. Захарук, И. С. Каменицкий, А. П. Смирнов, П. Н. Третьяков, А. А. Формозов и другие. С другой стороны, Л. С. Клейн, А. Л. Монгайт, М. Е. Фосс и другие авторы выступают против таких параллелей, основываясь как на фрагментарности археологического материала, так и на отсутствии в нем главных, по их мнению, атрибутов этноса: языка, самосознания и т. д. В то же время специалисты в области этнографии подходят к решению этой проблемы более дифференцированно, допуская частичное совпадение некоторых археологических культур и этносов. Вероятно, на современном уровне развития археологической и этнографической наук данный вопрос универсального решения для всех исторических периодов и культур иметь не может. Наиболее вероятный путь анализа применительно к каменному веку должен основываться, в первую очередь, на специфической теории этноса.

В этом плане перспективной является концепция этноса как одного из средств выражения и оформления локальной культуры. Культура в данном контексте рассматривается как совокупность способов, которыми институционализируются различные виды человеческой деятельности¹¹. Система жизнедеятельности первобытного населения имеет специфическую адаптивную направленность, что было продемонстрировано на материалах мезолита степной Украины. В результате культуру отдельной группы населения можно рассматривать как специфическую систему адаптации данной общности к своей экологической нише. Этнос в данном контексте предстает как одна из форм выражения особенностей приспособления носителей данной культурной традиции к условиям обитания, а сложение этнических культур — как процесс их адаптации к окружающей среде. Археологически данные явления фиксируются в генезисе, развитии и распаде локальных археологических культур, которые в результате отражают местные особенности культуры той или иной группы, и, следовательно, несут этническую нагрузку.

Эмпирически данный аспект первобытной истории в общих чертах согласуется с изменениями способов культурно-исторической адаптации. Современная этнографическая литература по синхронным обществам также рассматривает этнос как одну из форм выражения особенностей приспособления носителей данной культурной традиции к условиям обитания, а сложение этнических культур — как процесс их адаптации к окружающей среде¹².

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пашкевич Г. А. Динамика растительного покрова Северо-Западного Причерноморья в голоцене и его изменения под влиянием человека// Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. — М., 1981. — С. 74—87; Бибикова В. И. О смене некоторых компонентов фауны копытных на Украине в голоцене//БМОИП. отд. биол. 1975. — Т. 80. — Вып. 6. — С. 67—73.
2. Станко В. Н. Ранний мезолит степей Северного Причерноморья// Первобытная археология. Повски и находки. — К., 1980. — С. 90—109; Станко В. Н. Мирное. Проблемы мезолита степей Северного Причерноморья. — К., 1982; Коробкова Г. Ф. Истоки неолитизации: к проблеме культурно-хозяйственного развития Северо-Западного Причерноморья в эпоху мезолита//Studia praehistorica. — 1992. — V. 11—12. — С. 28—34.
3. Станко В. Н. К проблеме западных срепей мезолита Степного Причерноморья//Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. — К., 1985. — С. 31—45; Горелик А. Ф. Исследование мезолитических комплексов стоянки Зимовники I в Северо-Восточном Приазовье//СА. 1984. — № 2. — С. 115—133; Телегин Т. Я., Тарасенко М. И. Мезолитическая стоянка у х. Роголик//Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. — Л., 1983. — С. 35—39.
4. Станко В. Н. Ранний мезолит... — С. 100.
5. Станко В. Н. К проблеме западных... — С. 37; Горелик А. Ф. Указ. соч. — С. 132.
6. Бибикова В. И. Терофауна поселения Мирное//Станко В. Н. Мирное. — К., 1982. — С. 139—164; Пашкевич Г. А. Указ. соч. — С. 80.
7. Станко В. Н. Культурно-исторический процесс в мезолите Северо-Западного Причерноморья//Северо-Западное Причерноморье: контактная зона древних культур. — К., 1991. — С. 5—17.
8. Станко В. Н. Кризис охотничьего хозяйства и возникновение скотоводства в азово-причерноморских степях//Древности. — Харьков, 1995. — С. 6—11; Коробкова Г. Ф. Указ. соч. — С. 29.
9. Брайчевский М. Ю. Теоретичні основи досліджень етногенезу// УІЖ. 1965. — № 2; Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970; Козлов В. И. Что же такое этнос//Природа. — 1971. — № 2; Павленко Ю. В. К вопросу об условиях формирования этноса и этнических свойств//Методологические и методические вопросы археологии. — К., 1982; Пименов В. В. Еще раз об определении понятия «этнос»//Вопросы археологии Урала. — 1975. — Вып. 13; Пиоро И. С. Этнос и археологическая культура//Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. — Ташкент, 1973; Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей//ВФ. 1964. — № 11.
10. Арутюнов С. А., Хазанов А. М. Проблема археологических критериев этнической специфики//СЭ. 1979. — № 6; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. — М., 1973; Гиренко Н. М. Социология племени. — Л., 1991.
11. Арутюнов С. А. Народы и культура. Развитие и взаимодействие. — Л., 1989.
12. Файнберг Л. А. Охотники американского Севера. Индейцы и эскимосы. — М., 1991; Козлов В. И. Этническая экология и история аборигенного населения Америки//Экология американских индейцев и эскимосов. — М., 1988; Дзенискевич Г. И. Экологическая адаптация в традиционной культуре северных атапасков//Экология американских индейцев и эскимосов. — М., 1988.